

Рассказ племянника Василия Толкачева (о Емельяне Пугачеве и переименовании реки Яик в Урал в передаче И. И. Железнова)

— ...Дядюшка мой, Василий Степанович Толкачев, и товарищ его, Иван Иванович Ерофеев, оба молодые парни, были в числе приближенных к Петру Федоровичу, — говорил мне семидесятилетний старик-казак Толкачев, житель Чаганского форпоста. — Когда еще он не объявлялся всенародно, — продолжал старик, — а жил по тайности на Узенях, в ту пору сознакомился он там с дядюшкой моим, Васильем Степановичем, а дядюшка Василий Степанович, извольте ли знать, гулебщик был первой руки, часто ездил на Узени по дикого зверя. Через Василия Степановича Петр Федорович сознакомился и со всей нашей семьей, а семья наша была большая, справная. У нас в семье и харунки вышивали; для этого и золото, и серебро, и золотые бахромы и прочее доставляли Петру Федоровичу из Москвы сугласнички его. Так в семье нашей после рассказывали, — добавил старик.

— Еще при нем был, — продолжал старик, — не то товарищ, не то дядька, бог его знает, какой-то неведомый человек, должно быть, не из расейских, а из иностранных: говорил он не чисто по-русски. И мудреный же был этот человек, отдать справедливость, — дошлый на все, и чертовщинки, видно, знал. Одно слово, голова!..

Раз пошли они на охоту, дядюшка Василий Степаныч и этот иностранец. Пришли к ильмену. Плавает на ильмене лебедь, да слишком далеко, убить нельзя, никакое, значит, ружье не дострелит. Дядюшка поворотил прочь, а иностранец и говорит:

«Васенька! али не хочешь бить?»

«Далеко оченно! — говорит дядюшка... — Не убьешь. Зачем даром заряд терять?»

«Ничего не далеко, — говорит иностранец. — знай, ложись на ражки, близко будет».

Дядюшка послушался, взвел курок и прилег на рѣжки. Иностранец отошел немного прочь и стал шептать что-то. Вдруг лебедь ни с того, ни с сего замахал крыльями и на хлопкѣх пошел прямо на дядюшку; подплыл сажень на десять и остановился, словно привязанный. Дядюшка прицелился и выстрелил, лебедь свернулся. Выходит, иностранец слово такое знал, что тварь слушалась его.

Под последний конец замешательства человек этот пропал, словно в воду канул, сказывал дядюшка; убили ли его на какой баталии или сам собой отшатился, бог вестъ, а только дядюшка Василий Степанович месяца за два до последней баталии, что была на Волге, не видал его. А допрежь того, дядюшка сказывал, допрежь того он безотлучно находился при Петре Федоровиче и подавал советы, как баталии вести.

— На Волге не посчастливилось ему, Петру-то Федоровичу, — продолжал рассказчик. — В одной в недобрый час, видно, зачатой баталии он потерял и пушки, и порох, и казну, и харунки, и вся армия его расстроилась и разбежалась. Оставшись ни при чем, он перекинулся на сю (луговую) сторону Волги и укрылся опять на Узенях, где и прежде привитался. Дядюшка Василий Степанович и товарищ его, Иван Иванович Ерофеев, вместе стражались, друг от друга ни на шаг не отставали, выходит, друзья были. Когда победили их на Волге, они думали, что последний конец пришел, бросились в Волгу и поплыли на сю сторону. Какие-то люди гнались за ними в лодке, однако не догнали, посередь Волги опрокинулись и пошли на дно. Дядюшка мой был о двуконь. Бурый мерин был сильный и надежный конь, а и мухортый был хорош, однако супротив бурого не стоил, немножко послабее, пожитковатее бурого был. Дядюшка понадеялся на бурого и привязал ему под шею мешок с золотом, фунта с два весом, а пучок ассигнаций, замест пропажи, привязал к холку мухортому, чтобы на всяк случай не обмочить. Мухортый мерин переплыл реку благополучно и спас хозяину бумажки, а бурый, на кого надежда-то была, бурый-то, сударь мой, не доплыл до берега саженей пять-шесть, утонул, а с ним и золота казна пропала. Знай дядюшка, что такой грех случится с бурым, привязал бы золото на мухортого, иль-бо поровну разделил. Да почем было знать? Не знаешь, где найдешь, где потеряешь.

— Когда выдали его начальству, — продолжал собеседник, — дядюшка Василий Степанович и Иван Иванович Ерофеев со многими казаками, кои несогласны были на этакое дело, то-ись чтобы выдать его начальству, оставались на Узенях и долгое время скрывались там в камышах, питались от охоты, били, значит, кабанов и сайгаков, тем и продовольствовались. А в

дома возвратились тогда только, когда вышел от царицы милостивый манифест. В ту же пору и указ от государыни последовал таковой: «Не называть-де впредь Яик-реку Яиком, а называть Уралом, и яицким-де казакам не называться впредь яицкими, а называться уральскими». И с той поры река наша стала называться Уралом, а сами мы уральскими. И такая перемена в имени нашем сделана в наказание нам: больше ничего нельзя было сделать... Выходит, он был не простой побродяга, не самозванный, а настоящий царь! — заключил старик.